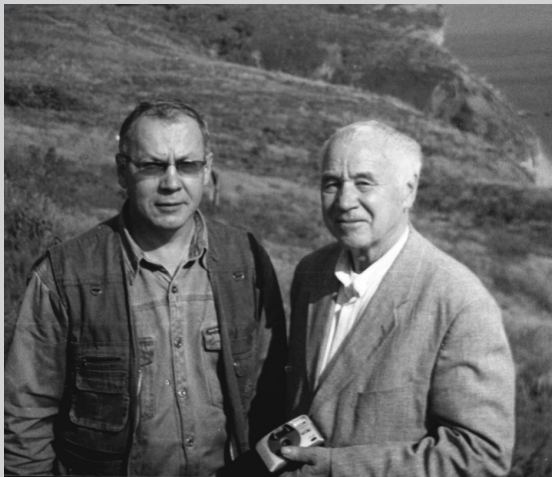

Б.В. Емельянов, В.С. Фунтусов

ЕВРАЗИЙСКИЕ ВАРИАЦИИ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Емельянов Борис Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии УрГУ, заслуженный деятель науки РФ

Фунтусов Владимир Степанович

кандидат философских наук, доцент Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного института

В истории общественной мысли чрезвычайно редки случаи, когда теоретические построения и идейные призывы мыслителей, когда-либо возбуждавшие общественное мнение, реализовались спустя длительное время, получали вторую жизнь, наполняясь новым содержанием в другой общественно-политической обстановке. Но именно такой случай можно наблюдать с «возвращением евразийства» - оригинального философского течения эмигрантской общественной мысли 20-30-х годов прошлого столетия.

Возникнув в эмигрантской среде как попытка осмысления истории многострадальной Родины и тех коллизий социально-политической ситуации, которые возникли в России после победы большевиков, евразийство быстро завоевало симпатии европейской эмиграции, увидевшей в нем возможность получить ответы на волнующие ее вопросы. И такие ответы прозвучали в работах создателей и теоретиков евразийства: географа, историка, экономиста Петра Николаевича Савицкого (1895-1968), одного из наиболее универсальных мыслителей русского зарубежья, лингвиста, филолога, историка, политолога князя Николая Сергеевича Трубецкого (1890-

1938), крупнейшего историка русского зарубежья Георгия Владимировича Вернадского (1887-1973), историка-медиевиста, религиозного философа Льва Платоновича Карсавина (1882-1952), музыковеда и публициста Петра Петровича Савицкого (1892-1985) и многих других авторов известных евразийских сборников, среди которых нельзя не назвать религиозного деятеля Флоровского, культуролога Бицилли, правоведа Алексеева.

Многое в трудах названных евразийцев было новым. Таких новаций, связанных с определением русской идентичности, было несколько.

Первая была связана с утверждением географа П.Н. Савицкого, что в географическом и природном отношении помимо вполне различных материков Европы и Азии существует третий срединный материк – «Евразия», соединяющий их. А Россия занимает основное пространство этой Евразии. Из этого постулата вытекает утверждение «самостоятельной ценности русской национальной стихии». Россия, заявляли евразийцы, не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу. Это - особый субконтинент. Как писал П.Н. Савицкий:

Мы не Восток, но и не Запад.

Особый наш уклад и род,

Мы целостный Востоко-Запад

Мы путники его высот.

(Цит. по: Глобальные проблемы и перспективы цивилизации. Феномены евразийства. М., 1993. С.8).

Географические детерминанты, по утверждению евразийцев, не являются прямым геоприродным обоснованием каких-либо административно-политических границ, они носят рукотворный, исторический характер. Но изучать их нужно обязательно на уровне междисциплинарных исследований. Одной из таких междисциплинарных наук, по мнению П.Н. Савицкого, должна быть синтетическая дисциплина – «геософия», изучающая «спаянность» территории России – Евразии, исторические судьбы ее народов, естественную их совместимость и преемственность.

Вторая новация связана с выводом о том, что Евразия имеет не только географические особенности своего «месторазвития», но и культурные. Культура Евразии представляет некий сплав культур Востока, Запада и Юга (в их представлении - Византии). Вот их аргумент: «Естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры. Все это возвращает нас к основным чертам евразийского психологического

уклада, к осознанию ограниченности социально-политической жизни и ее связи с природой, к «материковому» размаху, к «русской широте», и к известной условности исторически устоявшихся форм, к «материковому» национальному самосознанию в безграничности, которое для европеизированного взгляда кажется отсутствием патриотизма, т.е. патриотизма европейского» (Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С.35).

Третья не была в полном смысле новацией, но как бы акцентировала и усиливала старое славянофильское неприятие европеизма, насаждаемого в России со времен Петра. Евразийцы отрицали «абсолютность» западноевропейской культуры, являющейся якобы вершиной культурной эволюции человечества. Европейской «общечеловеческой» культуре евразийцы и противопоставляли тезис об относительности многих установок «европейского» сознания. Деление народов на «культурные» и «малокультурные», «некультурные» и «дикие» не выдерживает критики, и Н.С. Трубецкой в своей работе «Европа и человечество» (1920) аргументированно доказывает это. Отрицая культурный европеизм, он утверждает взаимодействие культур евразийских народов в тенденции субкультурной интеграции, при устойчивой самоценности и самобытности каждого из них.

Своего совершенства процесс становления русской культуры достиг в православной церкви, смысл которой фокусируется понятием вселенскости, что означает распространение христианства по всему миру и единение всех через совершенствование Царства Божия. Правда, вселенскости препятствуют различного рода ереси, к которым евразийцы относят «латинство» и его производные: просвещение, либерализм, коммунизм. Им евразийцы противопоставили учение о культуре как симфонической личности, предложенное Л.П. Карсавиным. Они утверждают, что ни европейское представление об индивиду как социальном атоме, ни формальное волеизъявление индивидами демократических свобод не отрицают подлинных интересов народа, взятого в единстве современного, прошлого и будущего поколений. Подлинные интересы выражаются в культуре, по отношению к которой воля, свобода отдельного индивида имеют смысл лишь как индивидуализация симфонического целого, являющегося их самореализацией во внешнем мире. Православная христианская вера имеет авторитет последней инстанции, для неверующих авторитетом симфонического единства обладает государство, которое реализовало единство, взаимосвязь и цельность всех сфер церковного евразийского мира.

Четвертая новация была, можно сказать, эпатажирующей, поскольку утверждала новую точку зрения на татаро-монгольское завоевание Руси.

Евразийцы, в частности Г.В. Вернадский и Н.С. Трубецкой, утверждали, что помимо несомненного влияния Византии на историческую судьбу России не менее на нее повлияло татаро-монгольское завоевание ее территорий. Именно оно определило евразийский характер русского государства, дало ему основные параметры, тогда как Византия дала православный характер этой государственности, тот строй идей, который определил ее великодержавность.

Названные новации носили мировоззренческий характер, споры шли вокруг тех или иных оценок прошлой русской истории. Сложнее было с оценкой евразийцами положения современной обстановки в большевистской России. Евразийцы, в отличие от большинства эмигрантов, утверждали что возврат к старому дореволюционному порядку невозможен и реставрационные мечты о его восстановлении беспочвенны, что так называемая социалистическая революция уже свершившийся исторический факт. Более того, некоторые евразийцы предлагали видеть в этой революции некий исторический акт, доказывающий его мессианскую роль для России.

Идеология и философия евразийства были столь сильны, что периодически «прорастали» во взглядах отечественных ученых и философов. Один из них – выдающийся русский ученый Лев Николаевич Гумилев (1912-1992). По его мнению, «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

И уж совсем бурно, взрывоподобно основные идеи евразийства заявили о себе в постсоветский период. Стало ясно, что усилия евразийцев в поисках национальной идеологии в чем-то созвучны современной социально-политической ситуации. Евразийская доктрина актуализировалась и была взята современными идеологами.

Актуальность евразийских идей обнаружилась во многих областях. К примеру, «процесс распада Советского Союза выявил тот факт, что этническая и лингвистическая близость восточнославянских народов не стала тормозом для обособления Украины и России, равно как и конфессиональная общность (например, русских с грузинами и молдаванами) не препятствует продолжению центробежных процессов. Напротив, тяга некоторых мусульманских народов и групп к России (гагаузов, абхазов, аджарцев и др.) позволяет говорить о присутствии иных факторов и мотивов сближения евразийских народов. Все это позволяет совершенно по иному взглянуть на понятие «русскости», природу «великоросса», вобравшего в себя, по словам П.Н. Савицкого, не только славянский, но также угрофинский и тюркский элементы.

«Актуальность социально-политической теории евразийства связана с отходом от прежнего марксистского узкоклассового подхода к пониманию сущности реальной политической жизни. Этно-политические, личностные, идейные факторы зачастую выступают важнейшими детерминантами

конкретных процессов жизни государства, экономики, общества, изменяя во многом взгляд на природу социально-политических процессов. При этом выявляются цивилизационные корни целого ряда современных политических антагонизмов, на чем раньше настаивали адепты евразийского движения».

«Актуальность выдвинутых евразийцами социально-экономических идей обусловлена современными поисками оптимальной модели экономического развития России. Крайние экономические доктрины показали свою несостоятельность в условиях российской действительности. Постепенно приходит осознание того очевидного факта, что экономическая модель должна соответствовать менталитету населения, исходить из опыта исторического прошлого. На наш

взгляд, евразийская концепция «хозяйнодержавия», утверждающая необходимость сочетания в условиях нашей страны частной предприимчивости и сильной роли государства имеет перспективу нового толкования и восприятия» (Пишун В.К. Политическая философия евразийства. М., 2003. С.5-7).

Резюмируя актуальность идей евразийства, идеолог неоевразийства философ Александр Дугин заявил: «Евразийство – это именно та национальная идея, которая отвечает интересам всех этносов, культур и народов России».

Евразийские идеи вошли в ткань нашей общественной жизни и стали фактом их востребованности современной действительностью всерьез и надолго.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ

М.Ю. Мирошников

Мирошников Михаил Юрьевич
аспирант Института философии и права УрО РАН

Дискурс идентичности в качестве своего субстанционального культурно-исторического ядра предполагает определенный тип ментальности. Именно в специфике ментальных структур исторических и социальных общностей следует искать главные источники своеобразия их дискурсивных репрезентаций идентичности. В целях понимания сущности дискурса идентичности необходимо предварительно остановиться на вопросе о том, как взаимосвязаны между собой такие категории как «ментальность» и «дискурс».

Существует множество определений понятия «ментальность». Для нас главным источником в этом океане точек зрения является авторитетное мнение представителей французской школы исторических и социальных исследований, известной как школа «Анналов», благодаря которым данный термин

вошел в широкий научный оборот.

Программа изучения ментальных структур определенных исторических эпох и народов является фирменным знаком школы «Анналов». Впервые ментальность как особый предмет исследования предстала в творчестве одного из основателей данной школы М. Блока. В своем фундаментальном труде «Феодальное общество» (1939), ставшем классикой медиевистики, Блок специально остановился на «особенностях чувств и образа мыслей» людей раннего средневековья. В сфере его внимания оказались отношения средневекового человека к природе и ко времени, коллективные религиозные представления, память, эпос, язык. Свойства человеческой ментальности рассматривались Блоком в тесной связи с характеристиками социальной структуры и материальной жизни.

Большой вклад в изучение конкретно-исторических ментальных структур внес другой лидер школы «Анналов» Л. Февр. В своем самом известном труде «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942) Февр приходит к важному выводу: историк, чтобы понять духовный мир человека, должен обнаружить те интеллектуальные процедуры, способы восприятия, архетипы сознания, которые были присущи людям исследуемой эпохи и в которых они не отдавали себе ясного отчета, применяя их «автоматически», не задумываясь об их природе и содержании. Изучая «автоматизмы» сознания, можно пробиться к глубинным пластам, «подслушать» то, о чем люди «проговорились» независимо от своей воли.¹

Следующий этап в разработке теории